

М. Ч. Ларионова
ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-87-93

УДК 82-3

ББК 84-44

В статье рассматривается личная и творческая реакция А. П. Чехова на присоединение Таганрога — его родного города — к Области Войска Донского. Писатель хорошо знал быт и культуру донского казачества, что отразилось в его письмах, в повести «Степь» и рассказах «Казак» и «Печенег». Эти произведения стали формой репрезентации писателем своей родины, познания и принятия ее, текстом самоописания. А. П. Чехов создал художественный язык для выражения казачьей традиции как части локальной приазовско-донской культуры. Многие этнокультурные реалии чеховских произведений непонятны современному читателю в силу их региональной специфики. Однако они позволяют выявить в чеховских текстах те смыслы, которые заложены в их структуре, но обнаруживаются только в южнорусском контексте. В повести «Степь» воспроизводится стереотипно-казачье представление о степи как пространстве испытания и становления героя. Образ раненого казака вносит в рассказ «Казак» имплицитный, «свернутый» сюжет, который разворачивается за пределы повествования благодаря казачьей песне. В рассказе «Печенег» на первый план выведены нравы казаков, которые кажутся дикими стороннему наблюдателю. Таким образом, «казачий» материал дал А. П. Чехову творческий импульс; он свидетельствует о важности историко-культурных явлений, отражение которых в литературе стало результатом непосредственных впечатлений писателя.

Ключевые слова: А. П. Чехов, донское казачество, повесть «Степь», рассказ «Казак», рассказ «Печенег»

А. П. Чехов родился и вырос в Таганроге, купеческом полиэтничном и поликультурном городе, в котором большинство населения составляли малороссы. Украинские корни были и у писателя, о чем он в шутку сообщал Д. В. Григоровичу: «В моих жилах течет ленивая хохлацкая кровь, я тяжел на подъем и не люблю выходить из дому...»¹ В 1887 г. по политическим и экономическим причинам было принято решение включить Таганрог в Область Войска Донского.

Жителями Таганрога присоединение оценивалось неоднозначно. П. Ф. Иорданов, общественный деятель и в будущем член Городской думы, писал А. П. Чехову, которого знал еще по гимназии: «Вы должны знать, что с

1887 г. Таганрог утратил свое прошлое. Произошло это, когда... нас присоединили к печенегам...»² Другой таганрогский знакомый писателя с горечью замечал: «...по-видимому, казаки смотрят на Таганрог как на завоеванный край».³

Уехавший из Таганрога А. П. Чехов вряд ли принял перемены близко к сердцу. Об этом свидетельствуют редкие упоминания тех событий в переписке писателя. В письме дяде, М. Е. Чехову, 20 июня 1886 г., когда вопрос находился еще в стадии обсуждения, он интересовался: «Что у вас поговаривают о присоединении Таганрога к Донской области?»⁴ 30 ноября 1887 г. университетский товарищ писателя доктор И. В. Еремеев, из казаков, писал об этом уже как о деле решенном: «С нового года должно быть присоединение Таганрога к Области Войска Донского, и я надеюсь получить место помощника окружного врача».⁵

В своих оценках присоединения Таганрога А. П. Чехов был скорее нейтрален. 23 июня 1887 г. он писал Г. М. Чехову: «Поздравляю с "присоединением". Думаю, что Таганрогу от

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 102.

Ларионова Марина Ченгаровна — д.филол.н., заведующая лабораторией филологии, Южный научный центр РАН; профессор кафедры отечественной литературы, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
 E-mail: larionova@ssc-ras.ru

* Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН I.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № АААА-А18-118011990322-1)

² Таганрог и Чеховы: Материалы к биографии А. П. Чехова. Таганрог, 2003. С. 552.

³ Там же. С. 405.

⁴ Чехов А. П. Указ. соч. М., 1974. Т. 1. С. 251.

⁵ Таганрог и Чеховы. С. 404.

этого не будет ни лучше, ни хуже. Впрочем, быть может, будет больше внешнего порядка, будет единая власть вместо градоначальника, который решительно был бесполезен и для Таганрога не нужен».⁶ Однако в творчестве писателя эти события нашли яркое отражение.

Говоря о «предпосылках чеховского творчества и составляющих чеховского мира», В. Б. Катаев среди «разнообразных культурных и цивилизационных волн», столкнувшихся в Таганроге — родине А. П. Чехова, назвал и казачество.⁷ К сожалению, это утверждение осталось едва ли не единственным в специальной литературе. Многие этнокультурные реалии чеховских произведений непонятны современному читателю в силу их региональной специфики. Однако они позволяют выявить в чеховских текстах те смыслы, которые заложены в их структуре, но обнаруживаются только в южнорусском контексте.

Такая своеобразная традиция, как казачья, не могла не попасть в поле зрения писателя, несомненно встречавшегося с ее проявлениями в повседневной жизни и в путешествиях по Приазовью и Донскому краю. Для понимания взаимодействия А. П. Чехова с казачьей культурой и идентичностью особенно важны рассказы «Казак» (1887 г.), «Печенег» (1897 г.) и повесть «Степь» (1888 г.). Эти произведения можно рассматривать как форму репрезентации писателем своей родины, форму познания и принятия ее, как своеобразный текст самоописания. И роль А. П. Чехова в культурном развитии региона, который им гордится, состоит еще и в том, что он создал художественный язык для выражения локальной приазовско-донской культуры, в том числе казачьей.

В художественном сознании А. П. Чехова сосуществовали казачество как социальное явление, как тип ментальности, действительный уклад жизни казаков и богатейшая казачья культурная традиция с ее особой пространственной символикой, специфически «мужским» содержанием, героикой и удалью. В одном из писем он рассказывал о своем пребывании у донского помещика Г. П. Кравцова: «Жил я в последнее время в донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого кряжа: горы, балки, лесочки, речушки и степь,

степь, степь... Жил я у отставного хорунжего, обитающего на своем участке вдали от людей. Кормили меня супом из гуся... будили стрельбой из ружей (в кур и гусей, которых здесь не режут, а стреляют)... тем не менее, жилось мне превосходно. Впечатлений тьма...»⁸ В. Б. Катаев заметил: «Но Чехов знал также, что молодой казак Петя Кравцов, которого он репетировал в гимназические годы, впоследствии возмужав и получив офицерский чин, уже носил пенсне и вводил у себя по книгам агрономические усовершенствования».⁹

Во время поездки на родину в 1887 г. А. П. Чехов побывал на казачьей свадьбе в Новочеркасске — столице донского казачества. О своих впечатлениях он писал родным: «Вчера и третьего дня была свадьба, с музыкой, бабьим козлогласием и возмутительной попойкой. Такая масса пестрых впечатлений...»¹⁰ Человеку, воспитанному на классической музыке и выросшему в Таганроге, где если и пели народные песни, то большей частью украинские, казачья песенная манера не могла не показаться странной. Украинские песни мелодичные, задушевные; казачьи — по преимуществу бодрые, боевые. Украинские песни льются, казачьи — поются громко, открытым голосом (как говорят сами исполнители, их надо «орать»). Народная песня всегда исполняется с подголоском, который «забирает» мелодию либо вниз, либо вверх. Подголосок казачьей песни исключительно верхний, высокий. По словам А. Листопадова, известного собирателя донских песен (его основные экспедиции приходились на 1902–1903 гг.), подголосок — это «душа песни. <...> Его сопровождение дает песне ширь и свободный размах, свойственные исконной казачьей песне и обусловленные историческим складом боевой жизни донских казаков. <...> На общем фоне музыкальной картины, которую образует основная мелодия с сопровождающими ее вариантами других голосов, легкие, оригинальные мелодические переливы и скачки подголоска дают впечатление полноты и своеобразной законченности».¹¹ Этот высокий подголосок казачьей песни называется «дишка'нт». В такой манере — «дишканить», или «подголашивать» — исполняются и «мужские», и «бабьи»

⁶ Чехов А. П. Указ. соч. М., 1975. Т. 2. С. 98.

⁷ См.: Катаев В. Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник: материалы Междунар. науч. конф. «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». Таганрог, 2004. С. 2.

⁸ Чехов А. П. Указ. соч. Т. 2. С. 79.

⁹ Катаев В. Б. Указ. соч. С. 5.

¹⁰ Чехов А. П. Указ. соч. Т. 2. С. 72.

¹¹ Листопадов А. Песни донских казаков: в 4 т. М., 1953. Т. 4. С. 16.

песни, причем женщины еще больше держатся песенной традиции. Видимо, исполнение песен с этим очень высоким подголоском А. П. Чехов и назвал «козлогласием» (в прямом смысле — высоким «подголашиванием»). Ироническая, иногда даже ерническая манера писем А. П. Чехова не может нас обмануть. 5 марта 1889 г. в письме А. С. Суворину он подобным образом характеризовал понравившееся ему пение цыган: «Их пение похоже на крушение поезда с высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука».¹²

Появление в произведениях А. П. Чехова образа степи связывают с путешествием писателя по Приазовью и Придону. И действительно, этот образ мы встречаем в рассказе «Счастье», и разворачивается он во всей полноте в повести «Степь». Но мало кто замечает, что в повести образ степи складывается отчасти под влиянием казачьей культурной традиции, что хорошо видно при сопоставлении гоголевских и чеховских степей, например, с тургеневскими. Упоминание о Н. В. Гоголе здесь не случайно. Его степь в «Тарасе Бульбе» — это не просто природный ландшафт, а мир казачества (козачества). Думается, А. П. Чехов назвал Н. В. Гоголя «степным царем» не потому, что тот лучше всех описал степь, а потому что он изобразил степь так, как ее понимали на юге России, в Приазовье и на Дону.

То, что А. П. Чехов связывал степь с казаками, косвенно следует из слов В. А. Гиляровского: «Нет, Антоша, не пивать тебе больше сливянки, не видать тебе своих донских степей, целинных, платовских (выделено мной — М. Л.), так прекрасно тобой описанных...»¹³

А. П. Чехов и Н. В. Гоголь воспроизводят стереотипно-казачье представление о степи, хотя у Чехова из явных «казачьих» отсылок — только песня «Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!» (именно так поет ее в повести «Степь» Кирюха).¹⁴ Степь у казаков — это полое, порожнее пространство, территория молодчества и испытания, Дикое Поле. Вступление в казачье сообщество рассматривалось как символическая смерть. У украинских казаков мальчик именно в 9 лет поступал в Сечь, в группу молодиков, что было частью процедуры посвящения. Молодиков часто подвергали

ритуальным осмеяниям и испытаниям.¹⁵ Собственно, так происходит в любом обрядовом комплексе посвящения/испытания, но казачья традиция дожила до наших дней.

Степь — это еще и специфически мужское пространство. Мотивы мужского сообщества и пребывания героя в экстремальных условиях в чеховской повести могли быть навеяны именно «казачьими» впечатлениями писателя. Быт казаков был более архаичен, чем быт русских. Казаки воспитывали мальчиков в возрастных мужских сообществах. Мужские качества, в том числе умение драться и постоять за себя, поощрялись общиной и являлись обязательным условием для вступления в нее.¹⁶

Значимой деталью, указывающей на наличие региональных традиционных представлений в повести «Степь», является красная рубашка Егорушки. Красный цвет имеет связь с родильной обрядностью, что подтверждается текстом повести. Вспомним, что красная рубашка мальчика «пузырем вздувалась на спине»¹⁷ (околоплодный пузырь, в котором иногда рождается ребенок, называют рубашкой). Красный цвет — повсеместно цвет жизни, он имеет апотропейный характер, т. е. рубашка Егорушки — материнский оберег. У южных славян детская одежда была преимущественно красного цвета.¹⁸ Но в культуре донских казаков существует специфическое представление, что плод зарождается в виде красной ниточки, основы.¹⁹ Это дает дополнительные импульсы к интерпретации образа Егорушки, его душевного и духовного становления, вочеловечения, о чем, собственно, и написана вся повесть.

Главный герой в повести «Степь» многократно называется по имени, причем обычно именно в ласкательной форме — Егорушка. Лишь один раз, в самом конце, указывается его фамилия, да и то косвенно (сын Олги Ивановны Князевой, — аттестует мальчика Иван Иваныч Кузьмичов). Имеет ли художественное значение фамилия Егорушки? Думается,

¹² Чехов А. П. Указ. соч. М., 1976. Т. 3. С. 169.

¹³ Гиляровский В. А. Жизнерадостные люди // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 134.

¹⁴ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М., 1977. Т. 7. С. 78.

¹⁵ См.: Рыблова М. А. Экстремалы Дикого Поля: основные этапы жизненного пути казака-воина // Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. М., 2007. С. 210, 211.

¹⁶ См.: Рыблова М. А. Малолетки и выроски в структуре донской казачьей общины XIX — начала XX вв. // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп ЮФО. Традиции и современность. Краснодар, 2008–2009. С. 57–68.

¹⁷ Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения: в 18 т. Т. 7. С. 14.

¹⁸ См.: Богатырев П. Г. Народная культура славян. М., 2007. С. 230.

¹⁹ См.: Власкина Т. Ю. Традиционные эмбриогенетические представления донских казаков // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2004. С. 179, 180.

К статье М. Ч. Ларионовой

Казачий хутор. Фото Т. Гревцовой

Донская степь. Фото Т. Гревцовой

Памятник А. П. Чехову в Таганроге. Скульптор Д. Линдин. Фото М. Ларионовой

в литературном произведении не бывает случайных деталей, и то, что кажется несущественным на первый взгляд, находит объяснение в региональном традиционно-культурном контексте.

Среди казачьих песен есть и песня «Егорушка»:

Ты, Егорушка, Егор,
Егор — парень молодой.
Егор — парень молодой,
Не женатый, холостой.
Как поехал наш Егор
Хоть жениться на простор,
Хоть жениться да гулять,
Молодую жану брать.
Да молоденькую,
Да хорошенькую.²⁰

В повести «Степь» во всей полноте реализовалось чеховское представление о детстве—взрослении как о переходе, умирании—возрождении, своего рода инициации. Последовательность событий повести в точности соответствует этапам этого архаического обряда. Но структура инициации, перехода реализуется и в свадебной обрядности, где жениха именуют «князем». Финальные эпизоды повести (встреча Егорушки с Настасьей Петровной Тоскуновой) подтверждают нашу мысль.

В свадебных песнях жених-«князь» приезжает издалека, из «чужого мира», поэтому одним из центральных является мотив дальней дороги, пространственного перемещения. В величаниях жених изображается писаным красавцем, «красовитей» всех. Настасья Петровна восхищается Егорушкой: «Ангельчик мой! Красота моя неописанная! Я и не знала, что у Олечки такой сыночек!»²¹ Обращение, похвала, выраженная словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами, упоминание родителей, вырастивших замечательного сына, — характерные композиционные элементы свадебных величаний. Невесту могут именовать по-разному, но среди распространенных в свадебных песнях имен есть и Катенька (Катка — Атька в повести). И появляется Катка в примечательном, типично «женском» интерьере-пространстве — около швейной машины и клетки со скворцом в окружении цветов. Образы птиц, цветов/сада, мотивы женского рукоделия создают в свадебных песнях символику счастья. Весь этот

эпизод похож на свадебный сговор, включая стоящего на окне цыпленка, накрытого тарелкой, — традиционное свадебное обрядовое блюдо. Нас не должно смущать то обстоятельство, что Егорушка поселяется в доме Катки, т. е. в переводе на свадебный язык становится «приемышем», «примаком». Культурная практика показывает, что «примачество было формой первоначальной адаптации переселенцев на новом месте».²² «Приемышами» называли также детей, взятых на воспитание в чужую семью.²³ Так новая жизнь Егорушки получает закрепление в традиционном культурном коде.

Конечно, в повести «Степь» и речи нет о браке Егорушки, маленького мальчика. Но перемена его социокультурного статуса неизбежно вводит в текст свадебные мотивы и символы, которые, в свою очередь, объясняют некоторые художественные детали произведения.

И даже образ «широкой, размашистой, богатырской» дороги находит аналогии в казачьих былинах и песенной лирике: «Ой-да не пролѣгивала / Вот и степь-дорожунья, она не широкая / Она не широкая, / шириною она, / эта степь-дорожунья, она конца краю нет».²⁴

В связи с присоединением Таганрога к Области Войска Донского особое значение приобрел еврейский вопрос. Об этом писал в Петербург таганрогский городской голова А. Н. Алфераки: «В предположенной к присоединению местности насчитывается до 16 000 душ евреев. Эта крупная цифра осложняет и без того трудный вопрос о судьбе евреев с присоединением к Донской Области четырех городов... Будет ли предоставлено евреям остаться на месте? Если да, то для этой части Области должно быть сделано исключение из общих законов, правящих казачество; если нет, то придется их выселить. Последняя мера сопряжена однако с такими затруднениями и расходами и причинила бы столько несчастия множеству народа, что едва ли даже осуществима».²⁵ Массовое переселение евреев не состоялось, но в повести «Степь» есть персонажи-евреи, обитающие вдали от городов, а обида и агрессия Соломона — это, возможно, художественная реакция на обострившуюся еврейскую проблему.

Разумеется, мы не предполагаем ставить чеховскую повесть в прямую зависимость от

²⁰ Песни казачьей станицы. Ростов н/Д., 1989. С. 60.

²¹ Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения: в 18 т. Т. 7. С. 102.

²² Щепанская Т. Примаки // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 494.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Листопадов А. Указ. соч. М., 1949. Т. 1, ч. 2. С. 93.

²⁵ Алфераки А. Записка Таганрогского городского головы. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 893.

конкретного исторического факта и казачьей культурной традиции. Но, думается, «казачьи» впечатления могли дать писателю творческий импульс. Особенно заметно это в рассказе «Казак». Мещанин Торчаков, едущий с женой из церкви, не дал разговеться на Пасху встреченному в степи больному казаку. Согласно традиционным народным представлениям, такой поступок, особенно на Пасху или Рождество, нарушает все законы мироустройства, поскольку праздничные дары предназначаются душам предков-покровителей и самому Богу, которые в облике нищих, страждущих появляются в эти дни на земле (особенно это касается первой части какого-нибудь продукта). Именно против этого возражает жена Торчакова: «Не дам я тебе паску кромсать! С какими глазами я ее домой порезанную повезу?»²⁶

Заметим, что названием рассказа в центр повествования поставлена не фигура бердянского мещанина Торчакова, история которого излагается, а персонаж, казалось бы, случайный. В принципе, это мог быть представитель любой иной этнической или социальной группы, например нищий или странник. Но это казак, да еще больной. Почему?

Казак в рассказе — это «иной», чужой, встретившийся в лиминальном пространстве степи. С одной стороны, он сохраняет общие свойства подобных персонажей: ущербность, посредничество между «этим» и «иным» миром, представительство сакральных сил на земле.²⁷ Это общерусский и мировой сюжет. С другой стороны, больной или раненый казак в степи — это распространенный мотив казачьих песен. Как пишет исследователь донского фольклора Е. М. Белецкая, «главный образ военно-бытовой песни — умирающий казак или солдат, который лежит в чистом поле под ракитовым кустом».²⁸

В чеховском рассказе казак едет «домой, на льготу»,²⁹ т. е. срок его службы окончен. Он не ранен во время боевых действий (этот мотив был бы нарушением исторической правды: Россия в это время не вела больших войн), а именно болен, причем заболел он в дороге, поскольку по завершении службы казаки проходили медицинское освидетельствование и больные перед демобилизацией должны были получить лечение. Это отличает рассказ от ка-

зачьей песни. Но А. П. Чехову, видимо, важны не мотивировки, а «пограничная» природа казака. Больной, просящий «священной пасочки» казак уподобляется нищему. Поскольку нищенство могло восприниматься как форма праведничества, отношение к нищим было сострадательным и заботливым. Во время народных праздников принято было одаривать нищих, поскольку в этом облике могли появляться среди людей Христос и святые. Поэтому не подать нищему значило провиниться перед Богом.

Социальная ущербность нищего обычно подкреплялась на телесном уровне физическим недугом. У А. П. Чехова читаем: «У самой дороги на кочке сидел рыжий казак и, согнувшись, глядел себе в ноги».³⁰ Чеховский персонаж принимает позу, характерную для нищего и подчеркивающую его низкий социальный статус: сидит согнувшись и внизу.

Однако писатель очень точно воспроизводит антураж казачьих песен (чисто поле, оседланый конь, раненый казак).

Ай да, вот и, во кругу стоял
 Да стоял, будто, винохо... ей, виноходый конь,
 Да на все ноги коник ко... ей, на все кованный,
 Ай да, вот и, шелковой уздой
 Да конёчек, он был зану... ей, занузанный,
 Ай да, вот и, ну, черкесским седлом
 Да конёчек жа был осё... ей, был оседланный,
 Ай, на коню-то сидит, вот бы, млад донской казак.
 Ой да, вот и, он сидит, сидит
 Да сидит ведь он больно ра... ей, больно
 раненый...³¹

Ранение и болезнь в песнях синонимичны:

Один, братцы, оставался.
 А-ой да, ну, не так-то бы он
 Оставался молодец, —
 За главною за причи... за тою причиной.
 За тою, было, причиной:
 А-ой да, заболела у него,
 У доброго молодца,
 Буйная его голо... буйная головушка.³²

Во всех казачьих песнях больной (раненый) казак окружен друзьями-казаками или родными:

Сы донцами, младец,
 С донцами проща... распрощается.³³

Редукция этого традиционного мотива усиливает ощущение одиночества встреченного

²⁶ Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения: в 18 т. М., 1976. Т. 6. С. 165.

²⁷ См.: Левкиевская Е. Е. Нищий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 408.

²⁸ Белецкая Е. М. Казаки перед лицом смерти // Мужской сборник. Вып. 3. С. 177.

²⁹ Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения: в 18 т. Т. 6. С. 165.

³⁰ Там же. С. 164, 165.

³¹ Листопадов А. Указ. соч. М., 1950. Т. 2. С. 322. Тексты песен цитируются с сокращением повторов.

³² Там же. С. 359.

³³ Там же. С. 324.

казака, и без того уже противопоставленного общему празднику. А степь, по которой едут персонажи рассказа, превращается в поле битвы и смерти из казачьих песен. «Чего доброго, помрет в дороге...» — думает о казаке Торчаков.³⁴

Казак вносит в рассказ имплицитный, «свернутый» сюжет, который разворачивается за пределы повествования благодаря казачьей песне. Когда Торчаков позже отправится искать казака, выяснится, что никто его не видел. Либо в облике казака Торчакова испытывали сверхъестественные силы, т. е. он встретил свою судьбу, долю, что вполне согласуется с пасхальной или святочной обрядностью, либо казак действительно умер. И тогда в дело вступает песенный сюжет: казака оплакивают однополчане, жена или мать. Вряд ли А. П. Чехов не знал бытующую на Дону и в Таганроге песню на эту тему «Ой, в Таганроге солучилась беда». Эти версии не противоречат друг другу, а совпадают в контексте традиционной культуры. У восточных славян существует представление о «Пасхе мертвых», согласно которому накануне Пасхи Господь выпускает в «этот» мир души умерших, чтобы они могли встретиться с близкими и приобщиться к Пасхе.³⁵ Поэтому чеховский казак не совсем «живой» — больной.

Муки совести Торчакова приводят к распаду его семьи и хозяйства: «Лошади, коровы и улыи мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой...»³⁶ Это полностью соответствует страшным обрядовым пожеланиям рождественских колядовщиков и пасхальных волочебников жадным хозяевам: «Не дашь пирога — мы корову за рога. Не дашь кишку — мы свинью за виску. Не дашь блинка — мы хозяина в пинка».³⁷

Рассказ «Печенег» отличается этнографической точностью. Но быт и нравы казаков представлены в нем глазами стороннего

наблюдателя и потому кажутся диковатыми. Само название отсылает к кочевникам, населявшим Дикое Поле. Напомним, что печенегами назвал казаков в письме к А. П. Чехову его таганрогский корреспондент. Главный герой рассказа — отставной казак Жмухин — живет на отдаленном степном хуторе. Дом его бедный и запущенный, сыновья неграмотны, жена забита, сам герой удивительно невежествен, но любит пофилософствовать. Один проезжий, наслушавшись хозяина, «сказал ему сурово: “Вы, сударь мой, печенег!”»³⁸ Приезд и отъезд гостей сопровождается убийством домашней птицы. И здесь художественную форму обрели личные впечатления А. П. Чехова о курах и гусях, которых казаки не режут, а стреляют. Но если в действительности для казаков, особенно молодых, это было упражнением в стрельбе, то в рассказе это еще одно проявление дикости.

На протяжении десяти лет, с 1887 по 1897 гг., «казачий» вопрос занимал А. П. Чехова, но нашел отражение лишь в нескольких произведениях. Казаки так и остались для него южнороссийской экзотикой. Рассказ «Печенег» стал последним развернутым высказыванием писателя на эту тему, возможно, потому, что жизнь Таганрога после вхождения в Область Войска Донского существенно не изменилась. Казаки не стали доминировать ни в общественной, ни в культурной жизни города.

Таким образом, «казачий» материал в творчестве А. П. Чехова показывает отношение писателя не только к значимому для его земляков событию — к присоединению Таганрога к Области Войска Донского, но и ко всей казачьей культуре; позволяет характеризовать природу чеховского подтекста, в котором традиция в ее региональных формах образует «скрытый» сюжет со своей структурой и семантикой; дает основания говорить о важности историко-культурных явлений, отражение которых в литературе стало результатом непосредственных впечатлений писателя.

Marina Ch. Larionova

Doctor of Philological Sciences, Southern Scientific Center of the RAS; professor, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

³⁴ Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения: в 18 т. Т. 6. С. 167.

³⁵ См.: Агапкина Т. А. Пасха // Славянские древности. Т. 3. С. 642.

³⁶ Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения: в 18 т. Т. 6. С. 168.

³⁷ Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия. Л., 1984. С. 33.

³⁸ Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения: в 18 т. М., 1977. Т. 9. С. 326.

REPRESENTATION OF THE COSSACK CULTURE IN THE WORKS OF A. P. CHEKHOV

The article describes the personal and the intellectual reaction of A. P. Chekhov to inclusion of Taganrog — his native city — into the Province of the Don Cossack Host. The author was quite familiar with the life and culture of the Don Cossacks, which found its reflection in his letters and stories — “Steppe”, “The Cossack” and “The Pecheneg”. These stories appeared to be a form of representation by the author of his motherland, his understanding and acceptance of it, the self-description text. A. P. Chekhov created an artistic language for the expression of the Cossack tradition as part of the local Azov and Don culture. A lot of things in the ethno-cultural environment of Chekhov’s stories are difficult to understand by a modern reader owing to their regional specifics. However they help revealing in the Chekhov’s texts the meanings which were implicitly present in their structure but became apparent only in the south Russian context. The story “Steppe” reproduced the typically Cossack perception of the steppe as the environment for the testing and the evolution of the main character. An image of a wounded Cossack added to “The Cossack” story an implicit, “convoluted” motif which later unfolded beyond the limits of a story owing to a Cossack song. In “The Pecheneg” it were the Cossacks’ morals which appeared savage to an outsider that formed the foreground of the story. Thus the “Cossack” material gave A. P. Chekhov a creative stimulus; it is another evidence of the importance of historical and cultural phenomena, the reflection of which in literature was a result of the immediate impressions experienced by the author.

Keywords: *A. P. Chekhov, Don Cossacks, The Steppe (novella), short stories “The Cossack”, “The Pecheneg”*

REFERENCES

- Agapkina T. A. [Easter]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. [Slavic antiquities: the ethnolinguistic dictionary.]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 641–646. (in Russ.).
- Beletskaya E. M. [Cossacks in the face of death]. *Muzhskoy sbornik*. [Men’s Collection]. Moscow: Indrik Publ., 2007, iss. 3, pp. 167–178. (in Russ.).
- Bogatyrev P. G. *Narodnaya kul'tura slavyan* [Folk culture of the Slavs]. Moscow: OGI Publ., 2007, 368 p. (in Russ.).
- Gilyarovskiy V. A. [Cheerful people]. *A. P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A. P. Chekhov in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Nauka Publ., 1960, pp. 104–134. (in Russ.).
- Katayev V. B. [Chekhov and Taganrog: to the problem of cultural response]. *Taganrogskiy vestnik: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “molodoy Chekhov: problemy biografii, tvorchestva, retseptsii, izucheniya”* [Taganrog Bulletin: materials of the International Sci. Conf. “Young Chekhov: Problems of Biography, Creativity, Reception, Study”]. Taganrog: b/i, 2004, pp. 1–8. (in Russ.).
- Levkievskaya E. E. [The Beggar]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. [Slavic antiquities: the ethnolinguistic dictionary.]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 408–411. (in Russ.).
- Listopadov A. *Pesni donskikh kazakov*. [Songs of the Don Cossacks]. Moscow: Muzgiz Publ., 1949–1953, vol. 1, part 2, 477 p.; vol. 2, 587 p.; vol. 4, 489 p. (in Russ.).
- Pesni kazach'yey stanitsy* [Songs of the Cossack village]. Rostov on Don: Knizhnoye izd-vo Publ., 1989, 96 p. (in Russ.).
- Russkaya narodnaya poeziya. Obryadovaya poeziya* [Russian folk poetry. Ritual poetry]. Leningrad: Khudozh. lit. Publ., 1984, 528 p. (in Russ.).
- Ryblova M. A. [Extremals of the Wild Field: the main stages of the life of a Cossack warrior]. *Muzhskoy sbornik*. [Men’s Collection]. Moscow: Indrik Publ., 2007, iss. 3, pp. 207–222. (in Russ.).
- Ryblova M. A. [Young children and outgrowths in the structure of the Don Cossack community of the 19th — early 20th centuries]. *Molodezh' i molodezhnyye subkul'tury etnosov i etnicheskikh grupp YuFO. Traditsii i sovremennost'* [Youth and youth subcultures of ethnic groups and ethnic groups of the Southern Federal District. Traditions and modernity]. Krasnodar: Press-Imidzh Publ., 2008–2009, pp. 57–68. (in Russ.).
- Shchepanskaya T. [Adoptee]. *Muzhiki i baby: Muzhskoye i zhenskoye v russkoy traditsionnoy kul'ture* [Men and women: male and female in Russian traditional culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPb Publ., 2005, pp. 493–495. (in Russ.).
- Taganrog i Chekhovy. Materialy k biografii A. P. Chekhova* [Taganrog and the Chekhovs. Materials for the biography of A. P. Chekhov]. Taganrog: Lukomor'ye Publ., 2003, 728 p. (in Russ.).
- Vlaskina T. Yu. [Traditional embryogenetic representations of Don Cossacks]. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza* [World of the Slavs of the North Caucasus.]. Krasnodar: Kuban'kino Publ., 2004, vol. 1, pp. 178–196. (in Russ.).